

НЕ УСПЕЛИ в зрительном зале смолкнуть аплодисменты, а он уже сидел в гримерной, усталый, живя еще в образе горьковского Старика. Снят грим, уверенной рукой разглажены щеки. В зеркало на Леонида Александровича Гаврилова смотрели внимательные глаза.

Гаврилов усмехнулся. Когда-то в Казанском театральном техникуме он мечтал играть героев! Зинаида Михайловна Славянова, его наставница и первая женщина-режиссер в молодой Советской республике, говорила ему с укоризной:

— Вы же характерный актер. Разве нельзя, играя отрицательные или комические персонажи, утверждать на сцене прекрасное в нашей жизни?

С тех пор минуло 45 лет. И теперь, встретившись с заслуженным артистом РСФСР Леонидом Александровичем Гавриловым, я спросил его:

— Я понимаю, что всякий труд в театре почетен. Но не было ли у Вас когда-нибудь сожаления, что не исполнилась мечта юности: Вы не сыграли положительных героев?

— Не было. Ведь я работаю в советском театре, а у нас, у актеров, общая задача: воспитывать зрителя. Это мы понимали уже в первые годы Советской власти. В этом мы едины.

В Красной Армии я начал познавать жизнь. Нет, нас не агитировали. Мы дрались за революцию и за свою жизнь. Да, да, за свою жизнь. Если белогвардейцы, благодаря подачкам Антанты, ели досыта и одеты были с иголки, то мы голодали и болели. Мы болели тифом и познавали все: и вшей, и сеledочный суп. Да. Его варили из головок селедки, и мы этим питались.

Когда заканчивался спектакль (а я, поправившись, вместе с другими солдатами разыгрывал театральные действия), мы ползали между рядами и собирали окурки.

Но какие это были спектакли! У нас еще не было советских пьес и драматургов своих тоже. А публика своя уже была. Ей требовалось давать что-то современное. Но что? И для нас пьесой стала сама жизнь. Мы изображали эпизоды борьбы красных с белогвардейцами.

«Белые» — этакие надменные аристократы, набожники, но трусливые и жестокие, «красные» — простые люди, но смелые и беспощадные. Когда «белый» с позором убежал за кулисы (сделанные из солдатских одеял), зал ревел от восторга. Красноармейцы как дети, с напряжением следя за острой схваткой на сцене, потом, когда «красные» побивали «белых», с восторгом кричали: «Так их! Давай!». Казалось, что они сами идут в бой.

Вот я вспоминаю прекрасные слова Ленина о том, что искусство принадлежит народу, что оно уходит своими глубокими корнями в толщу народных масс.

Так зарождался советский театр. Люди, побывавшие на фронте, люди, завоевавшие Советскую власть в боях, потом рассказывали об этом на сцене. — Ильяч мечтал о подлинно народном искусстве. Он хотел,

чтобы оно пробуждало в трудовом человеке художника.

— А это в те годы было чрезвычайно сложно. Хотя мы тогда и горели желанием создавать новое на сцене, но у нас не хватало самого основного — мастерства.

Только потом, спустя несколько лет, я, будучи выпускником Казанского театрального техникума, смог сыграть в классическом репертуаре. На экзамене исполнял роль Кулигина в «Грозе» Островского. Но знаете, какой это был Кулигин? Не забытый человек, боящийся гибели своих изобретений и философствующий о правде и гуманизме

рых традиций, театр, которым когда-то восхищался Чехов, возрождался на глазах. Актеры Глазырин, Волков, актрисы Подвалова, Антонюк и другие прямо-таки восхищали зрителей своим мастерством, умением глубоко проникать в психологию своих персонажей.

Мы чувствовали, что театр воспитывает зрителей. А это тогда было так важно. Таганрог, как и сотни других городов страны, залечивал свои раны после войны. Было очень трудно. Но требовалось вселить веру в таганрожцев, возбудить в них любовь к прекрасному, чтобы и они создавали красоту.

Это садист, порожденный эпохой, проповедник страдания как необходимости. Но личность в сущности трагическая. Его образ и предостережение, и в то же время логическая мысль, что в наши дни, когда между людьми установились принципиально новые отношения, таких типов становится все меньше и меньше. А это радует.

Я всегда против схем. Я за то, чтобы каждый персонаж убеждал своей жизненностью. Значит, надо быть правдивым?

— Леонид Александрович, Вы сказали о труде. Многие юноши и девушки стремятся к искусству, желая стать актерами. Какой совет вы им можете дать?

— Я не люблю давать советы. Одному он поможет, другому нет. Но есть одна деталь. Говорится в народе: «Кабы молодость умела, кабы старость могла!».

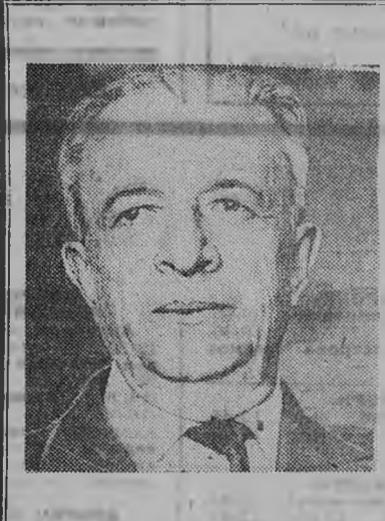
Очень верно, если подумать хорошенько. У молодых много сил, много желаний, но не хватает умения, опыта. У старших есть последнее, а первого уже мало. Поэтому я могу сказать молодым только одно: берегите время! Живите с определенной, но обязательно благородной целью.

В нашей газете сейчас публикуются хорошие статьи под рубрикой: «Тебе, подросток, о жизни». Разные люди выступают. И что удивительно, все говорят об одном и том же: надо быть мужественным, трудолюбивым, целеустремленным и патриотом. Я присоединяюсь к их словам и воздерживаюсь от других советов. Если молодой человек войдет в жизнь с этими качествами, значит, все в порядке.

— И последний вопрос, Леонид Александрович. Как Вы относитесь к зрителям?

— Хорошо или плохо? Это Вас интересует? Хорошо. В этом-то и огромная ценность советского театра, что он существует для зрителя, а не зритель для него. Каждый спектакль для нас — экзамен, и мы знаем, что экзаменаторы в зрительном зале строгие. Прошли те времена, когда в зал приходили богатые бездельники, и актеры играли с пренебрежением к публике. Теперь все изменилось. За годы Советской власти выросли актеры и духовно выросли зрители. Поэтому, играя в спектакле, я всегда волнуюсь. Но это хорошее волнение. Оно идет от того, что я чувствую: меня понимает зритель, что он, как и я, равноправный участник спектакля.

Беседу вел журналист Б. СЛУЦКИЙ.

ГЛУБОКИЕ КОРНИ

вполголоса, а обличитель, бунтарь-правдоискатель. Потому что таких кулигинных, некогда запуганных, угнетенных крестьян и рабочих, я видел на фронте уже в другой роли — в роли борцов, уверенных в своей победе.

— После окончания техникума Вы, конечно, устремились на профессиональную сцену? Вам хотелось создавать яркие образы?

— Да, нам все хотелось делать. Но пришлось многому учиться, постигать сложную театральную науку.

Вот, казалось бы, простая вещь: выйди на сцену, скажи несколько фраз, сыграй на публику — и успех обеспечен. Еще и сейчас так думают некоторые молодые актеры. Они приходят в театр и требуют: «Дайте мне хорошую роль». А что значит в их понимании хорошая роль? Большая. Видная. И думается им, что чем солиднее текст, тем лучше. Ошибаются. Мы начинали с малого. Я играл маленькие, скромные роли, но так изучал их, так оттачивал игру, что получался образ. И такие роли у меня были даже и здесь, в Таганрогском театре.

— Леонид Александрович, Вы работаете в нашем театре имени А. П. Чехова уже тридцать лет. Вам можно стать летописцем чеховцев. Вы свидетель рождения многих традиций. Не правда ли?

— Да, нашему театру я посвятил тридцать лет своей жизни. Были у меня здесь успехи и неудачи тоже. Мне дорог чеховский театр многим. Но больше всего своим возрождением.

После войны, поездив по фронтам со спектаклями, я решил вернуться в Таганрог. Здесь уже были выпускники Московского государственного института театрального искусства (ГИТИСа). Ученики крупнейшего режиссера и актера Тарханова. Какой энтузиазм был у этих ребят! Средний возраст 21—22. Приклеют бороды, а лица такие юные, молодые.

Но вот они ставят «Мещане» Горького (я в этом спектакле играл роль Бессеменова), «Три сестры» Чехова. И вы знаете: колоссальный успех! Театр ста-

— Безусловно, театр имеет огромную силу воздействия на зрителей. Но как эта сила приобретает? В последнее время самой большой Вашей удачей, как мне кажется, была роль Старика в одноименном спектакле по пьесе Горького. Как Вы работали над ней?

— В начале нашей беседы я вспомнил слова Ильича о народности искусства. Глубокие корни... Каждый актер хочет, чтобы его понял зритель. Ведь мы же играем не для пустого зала. И какую бы пьесу ни ставил театр — старую, современную, важно всегда смотреть на исполняемых персонажей через призму народной оценки. Главное в работе актера — не себя показать на сцене, а так раскрыть своего героя, чтобы его публика или полюбила всей душой, стараясь приобрести для себя какие-то его положительные черты, или возненавидеть, отказавшись в своем характере от того дурного, что в нем, в этом персонаже, есть. Вот почему театр, собственно, и нужен народу, поэтому мы так прочно и вросли своими корнями в нашу жизнь.

Когда я работал над ролью Старика, то начал с того, что изучил эпоху появления пьесы, прочитал литературу об игре в этой роли народного артиста СССР Якушенко, проследил все мотивы поведения Старика. У меня он получился сложным. И сложность его в том, что он показывает себя одним, а на самом деле Старик совершенно другой. Ему доставляет огромное наслаждение мучить людей.